
История философии

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(430)(091)+1(476)(091)

ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА В ТРУДАХ ПЕРВЫХ ПРОФЕССОРОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен краткий обзор трудов о философии И. Канта, написанных белорусскими профессорами В. Н. Ивановским, С. Я. Вольфсоном, Б. Э. Быховским и другими учеными. Все они стояли у истоков зарождения Белорусского государственного университета. Это является особенно актуальным в 2021 г., когда университет отмечает свой 100-летний юбилей, а все мировое культурное сообщество готовится к празднованию приближающегося в 2024 г. 300-летия со дня рождения И. Канта. Перечислены и кратко охарактеризованы направления, по которым осуществлялся процесс осмысления наследия великого немецкого философа в Беларуси. Освещены труды отечественных авторов, написанные в период 1920–30-х гг. и в начале 1940-х гг. Показано, в условиях какого непростого времени приходилось работать университетским философам. В связи с этим их анализ, восприятие и критика кантовской философии, особенно в оценке зарубежной мысли, в том числе классической, были органично вплетены в контекст первых десятилетий советской эпохи, характеризующейся классовыми стереотипами и предрассудками. Тем не менее в настоящее время оригинальные тексты вышеназванных авторов относительно учения И. Канта вызывают неподдельный интерес.

Ключевые слова: И. Кант; юбилей БГУ; первые профессора-философы БГУ; В. Н. Ивановский; С. Я. Вольфсон; Б. Э. Быховский; период 1920–30-х гг.

Образец цитирования:

Румянцев ТГ. Исследования философии И. Канта в трудах первых профессоров Белорусского государственного университета. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021;3:4–11.

For citation:

Rumyantseva TG. Studies of the Kant's philosophy in the works of the first professors of the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;3:4–11. Russian.

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцева – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
t.rumyan30@gmail.com

STUDIES OF THE KANT'S PHILOSOPHY IN THE WORKS OF THE FIRST
PROFESSORS OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITYT. G. RUMYANTSEVA^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article gives a short overview of the dedicated to the philosophy of I. Kant works of those Belarusian professors who stood at the origins of the Belarusian State University – V. N. Ivanovsky, S. Y. Wolfson, B. E. Bykhovsky and others. This is especially relevant in the year of the significant 100th anniversary, which celebrates our university in 2021, as well as in connection with the preparation of the entire world cultural community for the approaching 300th anniversary of the birth of I. Kant. It is advisable, in our opinion, to at least briefly highlight the directions in which the process of understanding the heritage of the great German philosopher in Belarus was carried out. Given that this is a very large and difficult topic, the author of this article considered it possible to turn to the work of domestic authors, whose work was in the 1920–30s and early 1940s. The article shows in what difficult time university philosophers had to work, therefore, their analysis, perception and criticism of the Kant's philosophy were organically woven into the context of the first decades of the Soviet era with all the class stereotypes and prejudices inherent in it, especially in assessing foreign, including classical, philosophical thought. Nevertheless, familiarity with the original texts of the authors noted above allows us to conclude that there are a number of interesting results regarding the teachings of I. Kant, which are present in their works.

Keywords: I. Kant; anniversary of the Belarusian State University; the first professors-philosophers of the Belarusian State University; V. N. Ivanovsky; S. Y. Wolfson; B. E. Bykhovskii; period 1920–30s.

Идеи И. Канта оказали огромное влияние на развитие не только западноевропейской, но и белорусской философской мысли. О том, как его учение отразилось в трудах философов Беларуси в XIX – начале XX в., не раз писали А. С. Клевченя, В. Ф. Шалькевич, А. А. Легчилин, А. Ю. Дудчик и другие университетские исследователи. Имеется в виду достаточно яркий (как по числу авторов, так и по разнообразию идей) досоветский период, представленный именами Г. Абихта, И. Быховца, Я. Юровского, А. Довгирда, И. Анджелини, А. Аргамакова, Я. Снядецкого и др. [1–4]. В настоящее время сотрудниками кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ подготовлена 1-я часть 2-го тома «Антологии философской мысли Беларуси», где в значительной степени освещено влияние идей И. Канта на развитие философии в Беларуси.

В год знаменательной годовщины – 100-летия со дня основания БГУ – следует вспомнить имена тех философов, которые стояли у истоков создания университета. Также эти ученые в своих трудах обращались к наследию великого немецкого мыслителя. В данном случае их анализ, восприятие, а также критику кантовской философии необходимо рассматривать в контексте первых десятилетий советской эпохи со всеми присущими ей классовыми стереотипами и предрассудками. Такого рода реминисценции важны еще и потому, что в 2024 г. мировое сообщество готовится отметить 300-летие со дня рождения И. Канта. По этой причине следует предоставить информацию о том, по каким направлениям осуществлялся процесс осмысления его наследия в советской и постсоветской Беларуси. В настоящем исследовании автор обращается к трудам Б. Э. Быховского, С. Я. Вольфсона, В. Н. Ивановского и некоторых других белорусских философов – основателей

БГУ и освещает их творчество периода 1920–30-х и начала 1940-х гг. (Б. Э. Быховский публиковал свои историко-философские работы до конца 1970-х гг.).

Отношение к кантовской мысли никогда не являлось сугубо внутренним делом философии, а было, по словам виднейшей российской исследовательницы творчества И. Канта Н. В. Мотрошиловой, «скорее, довольно точным барометром, фиксирующим не только состояние культуры, назревающие в ней изменения, но и характер более общих социально-исторических процессов» [5, с. 43–44]. По этой причине история так называемого белорусского кантоведения развивалась поэтапно. По сравнению с дореволюционными десятилетиями в период с 1920-х и до начала 1940-х гг. внимание к учению И. Канта стало постепенно угасать как в белорусской, так и в советской философии. Однако нельзя не отметить неоднократные обращения к учению мыслителя со стороны отечественных авторов, главным образом, профессоров только что образованного в советской Беларуси государственного университета. Речь идет преимущественно об упоминаниях о И. Канте в учебниках и очерках по диалектическому материализму, различного рода введениях в науку и философию, а также об оценках его творчества в работах, посвященных анализу идей других мыслителей (Г. В. Лейбница, Г. В. Ф. Гегеля, французских материалистов XVIII в., представителей тогда широко распространенного в Европе неокантианства и т. п.). При оценке учения И. Канта авторы подобных публикаций четко руководствовались ленинскими принципами, сформулированными в книге «Материализм и эмпириокритицизм», в которой вождь пролетариата однозначно и категорично охарактеризовал немецкого философа как выразителя идей непоследовательного дуализма, идеализма

и агностицизма. В таком же ленинском духе (в те годы писать по-другому было не только невозможно, но и опасно) творчество Г. В. Ф. Гегеля (особенно его диалектика) оценивалось гораздо выше кантовского учения. Однако И. Кант в посвященных ему разделах названной книги выглядел гораздо выигрышнее его новых последователей – неокантианцев, которые были связаны с деятельностью Второго интернационала и развивали концепцию этического социализма.

Если придерживаться хронологического способа изложения, то к числу одной из первых работ, заслуживающих пристального внимания исследователей, относится книга «Методологическое введение в науку и философию» В. Н. Ивановского. С 1921 по 1927 г. он работал в БГУ сначала профессором, а затем в течение двух лет заместителем ректора по учебной работе. Именно он до появления в университете первых кафедр педагогики и психологии заложил основы учебно-методологической базы университета. В своей книге В. Н. Ивановский впервые обращался к философии И. Канта. Еще в 1897 г. в 36-м номере журнала «Вопросы философии и психологии» была опубликована статья профессора «К вопросу об апперцепции», в которой он, ссылаясь на авторитетнейшего немецкого физиолога и психолога В. Вундта, показал огромное влияние теории познания И. Канта «на каждого немецкого психолога 19 столетия» [6, с. 16]. Возвращаясь к вышеназванной книге В. Н. Ивановского, следует отметить, что И. Кант не был в ней главным фигурантом, тем не менее автор уделяет пристальное внимание заслугам кантианства среди других направлений и тому, что оно имеет очень большие успехи как раз в области методологии. Профессор говорит о том, какой вклад внес в научное и философское образование И. Кант, и показывает, что он «в своих лекциях... учит не той или иной *“философии”*, а учит *философствовать*, т. е. самостоятельно применять к предмету свои духовные силы, вырабатывать собственное понимание, а не пассивно усваивать что бы то ни было с голоса авторитета» [7, с. 45]. Далее В. Н. Ивановский детально освещает вклад И. Канта в теорию познания. Он считает, что достижения И. Канта в области исследования человеческого разума, особенно в вопросах об источнике знания – опытным познании, гораздо выше, чем достижения Д. Юма. По мнению В. Н. Ивановского, этот вклад немецкого мыслителя гораздо глубже и сенсуализма английской школы, отрицающего значение в познании «рационального». Профессор видит заслуги И. Канта и в том, что он передвинул центр гносеологических исследований о происхождении познания с психологических вопросов на логическую проблему состава и строя науки как безличного, достоверного и общеобязательного, систематического целого [7, с. 124]. Недостатком

его учения В. Н. Ивановский считает употребление старого и плохо передающего мысль выражения «априорные». Также философ отмечает сложность гносеологии И. Канта, которая «не поддается краткой формулировке» [7, с. 125]. Не устраивает белорусского автора и то, что И. Канта гораздо больше интересует не реальность, а именно наука. Конечно, определенное внимание при анализе философии немецкого мыслителя не могло быть не уделено и неясной «вещи в себе», которой И. Кант «не раз злоупотреблял» [7, с. 126]. Автор видит в ней «бледный остаток старой идеи *субстанции*, как чего-то отличного от “качеств” и лежащего в основе единства и тождества вещи, – идеи, имевшей такое большое значение у Аристотеля» [7, с. 126]. По В. Н. Ивановскому, «вещь в себе» – вовсе и не реальность, а только «голое *понятие*, точнее *фикция*, а потому она столь же “пространственна”, как Пегас, Химера и т. п.». И. Кант постоянно колеблется между таким ее пониманием и отождествлением ее с подлинной реальностью, в связи с этим он «не без греха в этой путанице воззрений» (как заключает В. Н. Ивановский) [7, с. 126].

В. Н. Ивановский ограничивается сравнительно кратким изложением теории познания И. Канта. Отмечая ее «огромное историческое влияние», профессор завершает свой анализ определением места философа не только в истории гносеологии, но и в космологии, этике, эстетике и философии религии. Ученый также оценивает и последователей философии И. Канта в Германии, при этом он полагает, что это была реакция против основных идей немецкого философа, диалектический поворот, когда «идея критики познания, давшая такие большие результаты в течение XVIII в., временно как бы изжита...» и центральное внимание переносится на другие проблемы – биологические, общественные, исторические науки [7, с. 127].

Таким образом, в своем анализе кантовской философии В. Н. Ивановский демонстрирует значительную свободу от идеологических клише тех лет. Он органично вписывает идеи И. Канта в развитие европейской науки и философии и при этом показывает глубокую эрудицию в понимании сложнейших вопросов методологии и теории познания.

Характеризуя 1920-е гг., а затем и 1930-е гг. в контексте темы настоящей статьи, сложно отыскать специальные труды, которые были бы посвящены собственно философии И. Канта (даже с учетом того, что в 1924 г. исполнилось 200 лет со дня рождения немецкого философа). В какой-то мере это можно объяснить и тем, что вследствие фашистской оккупации БССР многие его тексты могли быть утеряны. Среди работ периода 1920–30-х гг., которые все же сохранились в фондах республиканских библиотек, следует назвать труды одного из создателей БГУ – профессора С. Я. Вольфсона, декана фа-

культета права и хозяйства, первого заместителя декана факультета общественных наук БГУ, академика АН БССР, академика-секретаря Отделения общественных наук АН БССР, директора Института философии и права АН БССР.

Так, в 1923 г. С. Я. Вольфсон опубликовал курс лекций, которые он читал тогда на факультете общественных наук в БГУ, под общим названием «Диалектический материализм». Подробно описывая XIX в. европейской истории как век выступления буржуазии в роли гегемона всего общества, профессор пристальное внимание уделял французскому метафизическому (как он его называл) материализму, при этом только наполовину считал его революционным. Важное место в творчестве С. Я. Вольфсона принадлежит И. Канту как философу этого века. Он виделся ему символом «двойственной истины, а его главная книга “Критика чистого разума” – проникнутой противорелигиозными тенденциями» [8, с. 71]. Однако, положительно оценивая кантовскую первую критику, белорусский профессор в то же время полагал, что следующая книга И. Канта «Критика практического разума» представляла собой шаг назад в развитии философа. Для аргументации и одновременно иллюстрации этой своей мысли он приводил обширную цитату из книги Г. Гейне «К истории религии и философии в Германии». Суть этой цитаты заключалось в том, чтобы показать эволюцию И. Канта от «неумолимого философа, который ранее штурмовал небо и заставил весь его гарнизон капитулировать, а теперь, ставшего тем, которому необходим Бог» [8, с. 71]. Так, установив различие между теоретическим и практическим разумом, И. Кант, по словам С. Я. Вольфсона, «воскресил труп деизма, незадолго пред тем убитого теоретическим разумом» [8, с. 72]. Вывод, к которому пришел автор, заключается в утверждении превосходства «даже самых умеренных из французских материалистов» перед И. Кантом, ибо они «штурмовали небо с гораздо большей силой, нежели Кант» [8, с. 72]. В завершение характеристики описываемой эпохи С. Я. Вольфсон критикует всю идеалистическую философию, при этом ссылается на кантовскую «вещь в себе» и агностицизм, а также приписывает немецкому мыслителю идею о том, что человек не может познать мир.

В 1935 г. С. Я. Вольфсон написал еще одну работу «Культура и идеология загнивающего капитализма», в которой затронул некоторые аспекты философии И. Канта. Это произошло уже в другое время, когда и в СССР, и, в частности, в Белорусской ССР философам приходилось резко критиковать идеологов умирающего капитализма, писать о так называемой фашизации буржуазной науки и идеологии в духе ленинских и сталинских обличений капитализма; констатировать факт его умирания, которое как будто неизбежно приводило к загниванию буржуазной

науки. При этом фашизация, по мнению философов того времени, выступала в качестве основной тенденции такого загнивания. Спрашивается, каким образом здесь мог быть задействован И. Кант?

Характеризуя «фашиствующих философов, пытающихся модернизировать многие отжившие, заплесневелые идеи давно прошедших времен, приспособить их к запросам дня» [9, с. 31], С. Я. Вольфсон упоминал имена И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля и И. Г. Фихте. Однако он полагал, что современные идеологи «вылущивают все имеющееся в их учении наиболее реакционное». Он называл их «великими философами молодой восходящей буржуазии», а современные буржуазные авторы являлись для него не более чем философствующими эпигонами умирающего капитализма [9, с. 31]. Таким образом, с одной стороны, И. Кант и другие представители немецкой классики получили достаточно положительную оценку, а с другой – в их учениях все же встречаются реакционные элементы, за которые «хватаются» и используют в своих целях представители новейшей философии.

Среди профессоров-философов, работавших в БГУ в 1920–30-х гг. был и Б. Э. Быховский, который в 1923 г. окончил факультет общественных наук и с 1929 г. трудился здесь же на кафедре философии. Кроме обязательных тогда учебников по проблемам диалектического и исторического материализма, он оставил большой корпус работ по истории западноевропейской и новейшей буржуазной философии, с некоторыми из них, например с работами по философии А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора, и сегодня работают студенты-философы. Кстати, в двух небольших книгах из серии «Мыслители прошлого», посвященных творчеству С. Кьеркегора и А. Шопенгауэра, Б. Э. Быховский сравнительно много страниц отвел исследованию идей И. Канта как важного истока философии А. Шопенгауэра, а также провел параллели между И. Кантом и С. Кьеркегором в понимании ими религии и этики. В 1930 г. Б. Э. Быховский стал автором одного из первых советских учебников диалектического материализма, который вышел под названием «Очерк философии диалектического материализма» и пережил несколько изданий. В настоящее время в Национальной библиотеке Беларуси можно ознакомиться с этой книгой, изданной в том числе и на белорусском языке, в которой раздел «Так называемый критицизм» специально посвящен философии И. Канта.

Автор пособия сразу предупреждает читателя о том, что ему представлен только «короткий очерк учения» И. Канта, изложенный лишь схематично, однако при этом в нем проанализированы основополагающие идеи немецкого философа и дана их оценка. Б. Э. Быховский полагает, что И. Кант, идеалистически решая основной вопрос философии, в своем учении пытается решить всего одну

проблему об отношениях субъекта и объекта: я и не я [10, с. 64]. И. Кант в «Критике чистого разума» резко критиковал Д. Беркли и еще сильнее любой идеализм. По мнению Б. Э. Быховского, это дало основание некоторым авторам не считать И. Канта ни идеалистом, ни материалистом, а полагать, что он стоит над обеими односторонностями. Однако Б. Э. Быховский задавался вопросом о том, так ли это. Поиски ответов на данный вопрос осуществлялись в духе ленинских указаний. Б. Э. Быховский писал о том, что ни одно учение не концентрируется так на гносеологической проблематике, как критицизм, анализирующий разум и человеческие способности, его возможности, структуры и особенности. Далее, излагая основные положения теории познания И. Канта, ученый справедливо указывал на первостепенность роли субъекта в этом учении. Однако таким образом И. Кант, по словам автора, «опустошает объект», уменьшает его значение в познании и превращает субъект в единственного законодателя и творца знания. При этом Б. Э. Быховский не видел существенного различия между И. Кантом и так называемым феноменализмом (описан в предыдущей главе очерков Б. Э. Быховского). Это связано с трактовкой И. Кантом «вещи в себе», которую он провозглашал непознаваемой и недоступной субъекту. По мнению Б. Э. Быховского, речь не идет о каком-либо дуалистическом равенстве субъекта и объекта. Дуализм оборачивается идеализмом, поскольку только субъект творит мир науки, а объект играет исключительно служебную роль; материя при этом становится не более чем творением духа, а изучение природы сводится к изучению познания.

Тем не менее Б. Э. Быховский главную ошибку И. Канта видел в признании непознаваемости мира, отрыве знания от объективной реальности и его субъективизации с помощью категорий рассудка [10, с. 73]. Также автор очерков указывал на внутреннюю противоречивость и непоследовательность учения немецкого философа и критиковал его за отрыв содержания от формы, вещей от их связей. Отмечал он и несогласованность признания существования объективной реальности с принципиальным отказом ее познаваемости.

Многие из этих обвинений в адрес И. Канта уже не раз фигурировали в работах его западноевропейских оппонентов, в том числе и современников немецкого философа. Не раз подчеркивался и неисторический подход И. Канта к трактовке субъекта и человеческого мышления, о чем также писал Б. Э. Быховский. Правоту своих аргументов он обосновывал посредством многочисленных ссылок с указанием на результаты исследования, ряда современных наук (индивидуальной психологии, психологии народов и т. п.), отвергающих априорность как понятий, так и соответствующих форм чувственности, показывая возникновение и формирование последних в детском возрасте.

Критика Б. Э. Быховским кантовского учения отличается стремлением (в духе тогдашней идеологии) утвердить его в качестве «непоследовательного и эклектичного» идеализма, показать, что И. Кант не превзошел односторонность материализма и идеализма. Как считает Б. Э. Быховский, И. Кант не смог преодолеть крайности эмпиризма и рационализма, поскольку он ограничил сферу науки лишь областью явлений и субъективным миром [10, с. 79]. Такого рода синтез привел лишь к потере настоящего объекта науки, отрыву сознания и разума от материального мира. Вывод белорусского автора звучит в соответствии с идеологическими установками тех лет и заключается в утверждении, что достичь подлинного соединения знаний с теоретическим мышлением на основе познания объективной реальности смогут лишь учения, которые приходят на смену критическому идеализму, не способному выполнить свои задачи [10, с. 79]. В этом плане Б. Э. Быховский Г. В. Ф. Гегеля (ему профессор посвятил следующий раздел очерков) ставил выше И. Канта, так как именно Г. В. Ф. Гегель сумел сохранить реальность мира, обосновать объективность знания и показать, что мир познаваем человеком.

В 1933 г. в книге с характерным для того времени названием «Враги и фальсификаторы марксизма» Б. Э. Быховский уже гораздо резче оценивал философию И. Канта и при этом иногда употреблял не совсем лицеприятные эпитеты. По мнению автора настоящей статьи, это вряд ли было обусловлено переменой во взглядах самого философа по отношению к И. Канту и его учению. Скорее это объяснялось формированием более жестких официальных установок касательно любой немарксистской философии, а также чисто идеологическими, а отнюдь не философскими задачами, стоящими перед авторами тех лет. Так, Б. Э. Быховский обращался к немецкому мыслителю в связи с критикой его эпигонов в лице примкнувшего к неокантианству австрийского философа, теоретика так называемого австромарксизма М. Адлера, который пытался объединить кантианство с марксизмом путем восполнения последнего этикой И. Канта и логико-методологическим обоснованием марксистской социологии его критицизмом, что в СССР было абсолютно недопустимо и идеологически вредно. Б. Э. Быховский отмечал, что в своих попытках «воскресить взгляды Канта» М. Адлер демонстрировал «попятное движение». Б. Э. Быховский пытался разоблачить также и других эпигонов, которые утверждали, что И. Канту удалось стать выше основных направлений в философии, занять философскую позицию, находящуюся по ту сторону материализма и идеализма [11, с. 37]. При этом, по словам Б. Э. Быховского, они опираются на «эклектичность, межимочность его позиции», которая на деле есть не более чем примирение и компромисс. У И. Канта доминирует именно идеалистическая сторона, так как он ут-

верждает вторичность, зависимость мира, природы, объекта, материи по отношению к субъекту, мышлению, а сама материя становится лишь явлением, не существующим вне человеческой чувственности. И хотя больше всего его волновало то, как возможно познание, а не основной вопрос философии, И. Кант не мог миновать вопроса об отношении мышления к бытию. Далее Б. Э. Быховский пытался доказать, что центральная проблема критицизма так или иначе пересекается с формулировкой одной из сторон основного вопроса философии: как относится наше мышление к окружающему миру. В итоге он фактически повторяет ленинскую оценку учения немецкого философа и указывает на то, что «он и идеалист и материалист одновременно, половинчатен, колеблется, агностик и т. п.», что свидетельствует о «нежумочности И. Канта» [11, с. 40].

В 1941 г. Б. Э. Быховский написал небольшую книгу «Метод и система Гегеля», в которой несколько раз упоминал И. Канта, хотя работа, как следует из ее названия, в целом посвящена анализу деятельности Г. В. Ф. Гегеля и его вкладу в философию. Б. Э. Быховский полагал, что именно Г. В. Ф. Гегель восстановил диалектику на основе новых приобретений познания, разработал новую ее историческую форму как сознательно систематизированную диалектическую логику, хотя и развитую на идеалистической основе [12, с. 10]. Переходя к вопросу о познаваемости мира и возможности его объективного, истинного познания, Б. Э. Быховский сравнивает И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Более значимое место в философии, по мнению автора книги, принадлежит именно Г. В. Ф. Гегелю, поскольку он «переносит в новую плоскость этот вопрос, приведший в тупик философское учение Канта, выводит его на широкий путь историзма» [12, с. 11].

В 1947 г. в печать вышла книга Б. Э. Быховского также с очень характерным для тех лет названием – «Маразм современной буржуазной философии (об англо-американском семантическом идеализме)», где автор совсем кратко написал об И. Канте. Место немецкого философа здесь выгодно отличалось от так называемых «современных мракобесов», которых, по словам Б. Э. Быховского, «уже не удовлетворяют Кант, Гегель, Милль, Спенсер... они ищут вдохновение в средневековых трактатах» [13, с. 11].

В 1970-х гг., как отмечалось выше, Б. Э. Быховский написал две книги в серии «Мыслители прошлого», в которых много страниц посвятил философии И. Канта. Здесь автор совершенно иначе, более взвешенно проанализировал взгляды немецкого мыслителя. Однако следует понимать, что 1970-е гг. – это другая эпоха, где существовали иные оценки, хотя ленинская критика философии И. Канта имела преобладающее значение вплоть до середины 1980-х – начала 1990-х гг.

В начале Великой Отечественной войны И. Кант если и был интересен, то только как один из пред-

ставителей немецкой классической философии. В 1943 г. вышел знаменитый третий том «Истории философии» под редакцией Г. В. Александрова (с 1955 по 1961 г. он работал в Минске заведующим сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН БССР). В этом томе впервые подробно изложены идеи докритического И. Канта, оценены его заслуги в развитии диалектики, хотя анализ «Критики чистого разума» по-прежнему сопровождался ссылками на В. И. Ленина. Среди активных авторов и составителей трехтомника был и профессор Б. Э. Быховский, названный одним из виновников «неправильного» освещения классической философии, в том числе учения И. Канта (подчеркивались объективизм, затуманивание консерватизма, отсутствие критики реакционности социально-политических идей и т. п.). Все-таки в большей мере это касалось философии Г. В. Ф. Гегеля и Ф. В. И. Шеллинга. Один из ведущих российских кантоведов А. Н. Круглов в своей статье, посвященной дискуссиям о И. Канте во время Великой Отечественной войны, подробно описал, как в таких условиях советские философы вели споры о роли кантовской философии в «становлении германского национал-социализма и его агрессивной внешней политики» [14, с. 192].

В послевоенные годы рост количества исследований философии И. Канта в БССР, как и в СССР, был также крайне замедлен, и только в годы хрущевской оттепели наблюдалось общее оживление интереса к его наследию. В это время белорусский читатель познакомился с собранием сочинений И. Канта (в шести томах), работами В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана, М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева, П. П. Гайденоко, Н. В. Мотрошиловой и др. Тем не менее о значимом росте числа публикаций, посвященных философии немецкого мыслителя, можно говорить, главным образом, применительно к России того времени. Однако найти специальные статьи и диссертационные исследования, в которых хотя бы косвенно рассматривались идеи И. Канта, не удалось.

Только в постсоветский период развития отечественной философии, в годы духовного подъема Республики Беларусь и взлета ее национальной культуры наблюдается потребность в новом прочтении классической западной философии. Белорусским философам во многом пришлось наверстывать то, что уже давно стало достоянием немарксистских историко-философских исследований. Определенный интерес вызывали вопросы, связанные с выявлением сущности и роли идей в познании и человеческой деятельности, что было обусловлено новыми практическими задачами, стоявшими перед страной, намеченными грандиозными изменениями в ее жизни. Речь идет об активизации деятельностного подхода к определению субъекта уже не как пассивного созерцателя, а как практического

преобразователя социальной действительности. Предпринимаются попытки выявить глубинные теоретические истоки такого деятельностного анализа мышления и становления диалектико-материалистического понимания логики в немецкой классической философии и, в частности, в философии И. Канта. С этой целью исследуется логическое содержание идеи И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля как представителей двух крайних и в то же время главных полюсов немецкого классического идеализма. Также большой интерес вызывает исследование кантовской философии, рассматриваемой в контексте обоснования условий возможности рационального мышления, смены идеалов научной рациональ-

ности, а также развития идей трансцендентализма и анализа малоизученного понятийного аппарата данной философской традиции. Уделяется внимание истолкованию статуса этой философии в качестве самостоятельной традиции в западноевропейской философии. Однако этот период развития кантоведения является материалом другой статьи автора, в которой освещается постсоветский период исследований идей немецкого философа [15].

Итак, в конце XX и в XXI в. идеи И. Канта продолжают вызывать огромный исследовательский интерес, что помогает философам тщательно обдумывать и постоянно вопрошать о бытии человека, о том, что мы можем знать и что должны делать.

Библиографические ссылки

1. *Анталогія філасофскай думкі Беларусі. Том 2. Частка 1*. Мінск: БДУ; 2021. 200 с.
2. Клевченя АС. Философские идеи Канта в Белоруссии (к 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума»). *Вестник БДУ. Серия 3. История. Философия. Научовы камунізм. Эканоміка. Права*. 1981;1:25–28.
3. Шалькевич ВФ, Легчилин АА. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века. В: Брюшинкин ВН, редактор. *Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта. Труды международного семинара и международной конференции; 22–24 апреля 2005 г.; Калининград, Россия*. Калининград: Издательство РГУ имени И. Канта; 2005. с. 92–102.
4. Легчилин АА, Дудчик АЮ. Трансфер зарубежных идей в философской культуре Беларуси XIX–XX веков. *Философские науки*. 2020;63(10):88–102. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-88-102.
5. Мотрошилова НВ. Предисловие. В: Кант И. *Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том 1. Трактаты и статьи (1784–1796)*. Москва: Ками; 1994. с. 42–73.
6. Ивановский ВН. К вопросу об апперцепции. *Вопросы философии и психологии*. 1897;36:70–107.
7. Ивановский ВН. *Методологическое введение в науку и философию. Том 1*. Минск: Белтрестпечатъ; 1923. [239 с.].
8. Вольфсон СЯ. *Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на факультете общественных наук БГУ. Часть 1–2*. Минск: Белтрестпечатъ; 1923. 176 с.
9. Вольфсон СЯ. *Культура и идеология загнивающего капитализма*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство; 1935. 225 с.
10. Быхоўскі БЭ. *Нарыс філасофіі дыялектычнага матэрыялізму*. Мінск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва; 1930. 336 с.
11. Быховский БЭ. *Враги и фальсификаторы марксизма*. Москва: Соцэкгиз; 1933. 104 с.
12. Быховский БЭ. *Метод и система Гегеля*. Москва: Политиздат; 1941. 68 с.
13. Быховский БЭ. *Марксизм современной буржуазной философии (об англо-американском семантическом идеализме)*. Москва: Правда; 1947. 24 с.
14. Круглов АН. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть 1. *Вопросы философии*. 2020;5:192–209. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-192-209.
15. Румянцева ТГ. И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов. *Кантовский сборник [Препринт]*. 2021;40(3).

References

1. *Antalogija filasofskaj dumki Belarusi. Tom 2. Chastka 1* [Anthology of philosophical thought of Belarus. Volume 2. Part 1]. Minsk: Belarusian State University; 2021. 200 p. Belarusian.
2. Klevchenya AS. [The philosophical ideas of Kant in Belarus (to the 200th anniversary of the publication of «The critic of pure reason»]. *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Navukovy kamunizm. Jekanomika. Prava*. 1981;1:25–28.
3. Shal'kevich VF, Legchilin AA. [Reception of the philosophy of I. Kant in Belarus and Lithuania in the first third of the 19th century]. In: Bryushinkin VN, editor. *Kant mezhdz Zapadom i Vostokom. K 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta. Trudy mezhdunarodnogo seminaru i mezhdunarodnoi konferentsii; 22–24 aprelya 2005 g.; Kaliningrad, Rossiya* [Kant between West and East. On the 200th anniversary of the death and 280th anniversary of the birth of Immanuel Kant. Proceedings of the international seminar and international conference; 2005 April 22–24; Kaliningrad, Russia]. Kaliningrad: Izdatel'stvo RGU imeni I. Kanta; 2005. p. 92–102.
4. Liahchylin AA, Dudchik AYU. Transfer of foreign ideas to the philosophical culture of Belarus in the 19th and 20th centuries. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2020;63(10):88–102. Russian. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-88-102.
5. Motroshilova NV. [Preface]. In: Kant I. *Sochineniya v 4-kh tomakh na nemetskom i russkom yazykakh. Tom 1. Traktaty i stat'i (1784–1796)* [Works in 4 volumes in German and Russian. Volume 1. Treatises and articles (1784–1796)]. Moscow: Kami; 1994. p. 42–73. Russian.
6. Ivanovskii VN. [To the question of apperception]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1897;36:70–107. Russian.

7. Ivanovskii VN. *Metodologicheskoe vvedenie v nauku i filosofiю. Tom 1* [Methodological introduction to science and philosophy. Volume 1]. Minsk: Beltrestpechat'; 1923. [239 p.]. Russian.
8. Vol'fson SYa. *Dialekticheskii materializm. Kurs lektsii, chitannykh na fakul'tete obshchestvennykh nauk BGU. Chast' 1–2* [Dialectical materialism. A course of lectures delivered at the faculty of social sciences of the Belarusian State University. Parts 1–2]. Minsk: Beltrestpechat'; 1923. 176 p. Russian.
9. Vol'fson SYa. *Kul'tura i ideologiya zagnivayushchego kapitalizma* [Culture and the ideology of decaying capitalism]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo; 1935. 225 p. Russian.
10. Bykhovskii BE. *Narys filosofii dyjalektychnaga matjeryjalizmu* [Essays of the philosophy of dialectical materialism]. Minsk: Belaruskæ dzjarzhavnae vydavectva; 1930. 336 p. Belarusian.
11. Bykhovskii BE. *Vragi i fal'sifikatory marksizma* [Enemies and falsifiers of Marxism]. Moscow: Sotsekgiz; 1933. 104 p. Russian.
12. Bykhovskii BE. *Metod i sistema Gegelya* [Method and system of Hegel]. Moscow: Politizdat; 1941. 68 p. Russian.
13. Bykhovskii BE. *Marazm sovremennoi burzhuaznoi filosofii (ob anglo-amerikanskom semanticheskom idealizme)* [Insanity of modern bourgeois philosophy (about Anglo-American semantic idealism)]. Moscow: Pravda; 1947. 24 p. Russian.
14. Krouglov AN. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: the look 75 years after the Victory. Part I. *Voprosy Filosofii*. 2020;5:192–209. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-192-209.
15. Rummyantseva TG. I. Kant and his legacy in the Belarusian philosophy of the Soviet and post-Soviet periods. *Kantovskii sbornik* [Preprint]. 2021;40(3). Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.04.2021.
Received by editorial board 09.04.2021.